

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ В НАРРАТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф. АНКЕРСМИТА

И. А. Чурсанова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 сентября 2011 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме исторической интерпретации в работах Ф. Анкерсмита. В рамках постструктуралистского подхода в методологии историописания, представленного в данной концепции, интерпретация перерастает рамки одного специального метода и практически отождествляется с процессом репрезентации прошлого в историческом нарративе.*

Ключевые слова: *интерпретация, нарратив, нарративная субстанция, нарративная логика.*

Abstract: *article is devoted to a problem of historical interpretation in F. Ankersmit's concept. Within poststructuralist approach to the methodology of history presented in this concept, interpretation outgrows frameworks of one special method and practically identified with the process of representation of the past in the historical narrative.*

Key words: *interpretation, narrative, narrative substance, narrative logic.*

Следствия «лингвистического поворота» в методологии историописания в первую очередь воплотились в концепциях Х. Уайта и Ф. Анкерсмита. Одной из отличительных черт этого нового направления является переоценка роли интерпретации в структуре исторических нарративов. В данном подходе это не просто один из методов, которым пользуется историк, когда проводит свое исследование. Интерпретация – это та самая форма, в которой он его проводит. Мы не можем сопоставить между собой событие и его интерпретацию – мы всегда сопоставляем уже кем-то созданные интерпретации одних и тех же событий.

Ф. Анкерсмит, сравнивая тропологию Х. Уайта с кантианской концептуальной системой, поддерживает его мысль о том, что наш познавательный приоритет должен быть направлен на исторический текст как целое, а не на отдельные его аспекты, такие как уровни объяснения и описания. При этом он считает, что следует вернуться к истористскому понятию «идеи истории» или, как назовет ее Анкерсмит, «нарративной субстанции», которое очень важно для уяснения природы историописания.

Для начала Анкерсмит указывает на существование различий между историческим романом и историческим нарративом. Если писатель изображает историческую реальность так, как ее видят живущие в прошлом люди, и именно их точка зрения на современный им социокультурный контекст репрезентируется в романе, то «нарратив не пишется с какой-то определенной «точки зрения» или в соответствии с какой-то определен-

ной интерпретацией прошлого, хотя некоторая интерпретация или «точка зрения» в нем предлагается. «Общее» историческое знание о прошлом (или о его фрагменте), сообщаемое нарративом, по сути, и определяет ту «точку зрения», с которой нам предлагается смотреть на прошлое. <...> Историк аргументирует в пользу «точек зрения» на прошлое, романист применяет их» [1, с. 47]. Поэтому разница между историческим нарративом и историческим романом усматривается в самом способе написания текста, а не в его соотносении с реальностью прошлого самой по себе.

По мнению Анкерсмита, у нас нет оснований полагать, что нарратив является вторичным продуктом, полученным при помощи проекции действительности в некую лингвистическую структуру по определенным «правилам перевода». Такую позицию он называет «нарративным реализмом» и подвергает критике. Прошлое нельзя уподобить ландшафту, «который должен быть спроецирован на лингвистический уровень с помощью правил проекции или перевода. Ибо «исторический ландшафт» не дан историку; историк должен его построить... Прошлое лишь конституируется в нарративе. Структура нарратива – это структура, которая придается или навязывается прошлому, она не является результатом рефлексии над родственной структурой, объективно присутствующей в самом прошлом» [1, с. 162]. Это значит, что у прошлого самого по себе нет нарративной структуры, она появляется только в самом нарративе. Мы не можем, как пишет Анкерсмит, взглянуть на историю. Мы можем только сравнивать одну книгу с другой. И в этом состоит суть нарративного идеализма. Подобно тому, как модельер для показа своей коллекции привлекает манекенщиц, которых нельзя назвать частями платьев, что они демонстрируют, так и историк использует такие понятия, как «интеллектуальное движение», «Ренессанс», «социальная группа» или «промышленная революция» для того, чтобы «одеть прошлое». Прошлое репрезентирует себя при помощи таких сущностей, которые не составляют части самого прошлого и даже не отсылают к действительным историческим явлениям или аспектам этих явлений. Отсюда и следует, что исторический нарратив структурно самобытен и если мы ставим задачу исследования его природы, то мы и должны обратиться к изучению языковых нарративных правил, которым он подчиняется.

Ф. Анкерсмит стоит на позиции, что историография не начинается с определенного устойчивого видения проблемы, которое дальнейшее исследование должно подтвердить, наоборот, это видение становится очевидным лишь в конце исследования в качестве его результата. Поэтому история не может относиться к кумулятивному знанию, каждый историк, несмотря на то, что в конкретных деталях он может опираться на чужие работы, по большому счету, должен все начинать сначала. История не вписывается в куновскую теорию развития научного знания, так как понятие «парадигма» не находит подтверждения во всей историографии, в лучшем случае мы можем говорить об «историографической моде», когда замечаем некоторые сходства в исторических нарративах, близких друг другу во временном интервале. Анкерсмит делает вывод,

что, согласно нарративному идеализму, существует нарративная логика, структурирующая наше знание о прошлом. Что же она представляет собой?

Ф. Анкерсмит, вслед за У. Уолшем, обращает внимание на особый характер таких исторических понятий, как «Ренессанс», «Просвещение», «европейский капитализм», «упадок Римской церкви» и т.д. И если У. Уолш назвал эти понятия «связывающими», позволяющими историку подвести широкий круг различных явлений под общий знаменатель, то Анкерсмит вводит здесь термин «нарративная субстанция». Объясняет он такой выбор тем, что термин «связывающее понятие» имплицитно подразумевает существование аспектов реальности, которые «связываются», т.е. отсылает к некоей объективной исторической реальности. По мнению же Анкерсмита, данный термин обозначает «не явления или аспекты прошлого, но исключительно *нарративные* интерпретации прошлого». К тому же нарративные субстанции «суть вещи, а не понятия». Таким образом, они являются первичными логическими сущностями в историографических описаниях прошлого.

Как пишет Анкерсмит, нарративные субстанции представляют собой совокупности высказываний, но они суть то, о чем идет речь в этих высказываниях, а не они сами, либо какая-то их часть. Помимо нарративных субстанций необходимо отмечать наличие нарративных субъектов, по аналогии с субъектами обычных высказываний. Главная особенность нарративного идеализма в том, что он признает двойную функцию высказываний в историческом тексте: во-первых, утверждать, что есть некое «р», как особое положение дел в прошлом, и, во-вторых, что «N есть р», где N – имя нарративной субстанции, предложенной в данном историческом повествовании, которая помимо других высказываний содержит и «р». Причина, по которой этого не замечали, в том, что «историки всегда используют одни и те же слова для своих нарративных субъектов и своих нарративных субстанций, например «Наполеон» или «консерватизм». Ситуация была бы другой, если бы историки имели привычку писать «Наполеон», когда они подразумевают историческую личность, носящую это имя, и «мой Наполеон» или «Наполеон историка N», когда они обсуждают нарративную субстанцию» [1, с. 148]. Именно одновременное использование таких понятий без пояснений мешает увидеть логическую необходимость различать две эти функции исторических высказываний.

Нарративные субстанции – это, как мы уже отмечали, та или иная интерпретация событий прошлого, предложенная историком. Именно поэтому единственным способом вычлениить ее является сопоставление двух или более исторических нарративов на одну и ту же тему. «Исторические интерпретации прошлого первыми становятся распознаваемыми: они первыми приобретают свою идентичность через контраст с другими интерпретациями; они есть то, что они есть, только на основе того, чем они не являются. Любой человек, который знает только одну интерпретацию, например «холодной войны», не знает никакой интерпретации

этого феномена» [2, с. 325]. Здесь явно прослеживается традиция, отдающая полный приоритет различию перед тождеством, плюрализму перед монизмом. Принадлежащие к ней представители постмодернизма провозглашают новую эпистемологическую установку на сосуществование множества интерпретаций и смыслов, что, по их мнению, гораздо более адекватно жизни. Анкерсмит проецирует эту установку в область историографии и получает способ определения нарративных субстанций. Очень важно при этом помнить, что эти нарративные субстанции предполагают свое узнавание и понимание в процессе полного ознакомления с текстом, а не являются тем, что помогает его предпониманию.

Встает вполне оправданный в данном случае вопрос: в чем отличие нарративной субстанции от теоретического понятия и не множим ли мы тут «сущее без крайней необходимости»? Анкерсмит на подобные вопросы предлагает следующее возражение: «Теоретические понятия соотносят вещи со словами <...>; нарративные субстанции действуют только на уровне слов» [1, с. 162]. То есть теоретические высказывания отсылают нас к вещам или их атрибутам, к некоей эмпирической реальности, тут мы имеем отношение двух уровней, а нарративная субстанция – это лингвистическая конструкция, с помощью которой историк дает репрезентацию прошлого, и ее функция состоит в том, чтобы увязывать в единое целое отдельные высказывания, представленные в нарративе. Поэтому и правила, регулирующие их употребление, мы находим не при анализе социально-исторической действительности, а в процессе рассмотрения логической структуры нарратива. Отсюда же вытекает еще одно важное замечание теории Анкерсмита: нарративные субстанции не подлежат идентификации, так как это процедура может быть осуществлена и при перечислении достаточно малого количества атрибутов вещи, а в отношении нарративной субстанции мы вынуждены прибегать к полному списку ее свойств. Только в этом случае мы можем быть уверены, что имеем дело именно с этой нарративной субстанцией и, таким образом, идентификация нарративной субстанции, по Анкерсмицу, есть ее индивидуализация в нарративе, вне которого нет ничего, что могло бы повлиять на этот процесс. И здесь он проводит сравнение собственной теории с концепцией историзма. По его мнению, представители историзма глубоко понимали, как нужно писать историю, осознавали и то, что историку приходится создавать индивидуальные сущности, которые призваны выражать его интерпретацию событий, но ошибочно полагали, что согласованность их исторического текста, воспроизводящего логику некоей исторической идеи (которую Анкерсмит переименовал в нарративную субстанцию), соответствует согласованности исторической реальности. Прошлое само по себе не является логичным или алогичным, последовательным или непоследовательным. Только нарративы могут иметь какие-либо формы. Поэтому Анкерсмит и ставит себе цель преобразовать традиционный историзм из теории исторических объектов в теорию исторического письма.

Нарративная субстанция подобна черной дыре в астрофизике, она имеет особый самореференциальный характер: все поглощаемые ею выска-

зывания указывают в ее сторону, в то время как сама она не указывает ни на что иное, что ею не является. Это настоящие «дыры» в ткани языка, как пишет Анкерсмит. Способность нарративной субстанции вбирать в себя все высказывания исторического текста объясняет кумулятивный характер нарративного дискурса. Он «словно рак, пятится назад», вбирая в себя все новые и новые высказывания о нарративной субстанции. В тот момент, когда этих высказываний становится так много, что количественная сумма их значений переходит в некое синтетическое содержание, происходит рождение нарративной субстанции и вместе с ней новых правил построения нарратива – нарративной логики. Основной теоремой этой логики является тезис о том, что все высказывания, выражающие свойства нарративной субстанции, являются аналитическими, ибо полное понятие нарративной субстанции содержит все свои предикаты с необходимостью, как только она теряет или приобретает какое-то свойство, она перестает быть тем, чем была.

Любой физик имеет представление о тех явлениях, которые отражают его теоретические понятия, историк же, наоборот, проблематизирует некую область исторической реальности, решая, как с ней соотносится тот или иной исторический термин. Как замечает Анкерсмит, «...то, что является необходимым условием понимания физической теории, для историков при их подходе к (исторической) реальности всегда выступает предметом разногласий» [1, с. 247]. Проблема в том, как уже не раз отмечалось, что тем понятиям и терминам, которые фигурируют в дискуссиях о прошлом, не нужно искать каких-либо идентифицируемых объектов, так как их просто нет. Решающее значение для них имеет только тот факт, что они входят в высказывания о нарративной субстанции. Например, если мы рассматриваем термин «падение Римской империи» и имеем несколько исторических текстов, в которых он употребляется в качестве главной темы, то не стоит рассматривать их как более или менее верные попытки описания одного и того же. Это несколько разных повествований о некой совокупности событий. Нет такой вещи, как «падение Римской империи». Здесь достаточно даже вспомнить, что историки до сих пор не определились в единой временной локализации этого события, не говоря уже о том, что считать содержательно для него существенным. Это та же ситуация, что и с Наполеоном. Нарративная субстанция с именем «падение Римской империи» неотделима от нарратива, ее представляющего. Как говорит Анкерсмит, «<...>самому прошлому неведомы никакие «падения Римской империи», никакие «Ренессансы», никакие «социальные классы», никакие «государства»; в отличие от объектов нашего обычного мира, эти «вещи» существуют исключительно в нарративистском универсуме» [1, с. 250].

Подводя итоги рассмотрению проблемы интерпретации в концепции Ф. Анкерсмита, необходимо отметить, что здесь четко очерчиваются границы исторического познания – это языковые границы. Лингвистическая реальность – единственная реальность, с которой имеет дело исследователь, а «попытка выйти за пределы смыслообразующего уровня

языка сама не имеет смысла и не представляет собой значимого в эпистемологическом отношении продукта» [3, с. 126–127]. Применительно к истории это означает, что всякое осмысленное утверждение, касающееся прошлого, отсылает нас не к самому этому прошлому, которое навсегда остается за пределами сферы познания, являясь некоей принципиально неподдающейся оформлению, предданной границей культурного пространства, но к той или иной языковой модели прошлого, т.е. к его нарративной интерпретации: «Онтология постмодернистского текста имеет лингвистический характер» [3, с. 129]. История, понимаемая как письменный текст, обретающий свою индивидуальность и значимость лишь при сопоставлении с другими нарративами. Интерпретация в этом подходе расширяется до уровня репрезентации тех или иных событий в рамках нарратива. Тем самым формируется представление, что исторический текст – это открытая система, постоянно продуцирующая новые смыслы через взаимодействие с другими текстами и читателем и в силу этого обладающая бесконечным интерпретативным потенциалом.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика / Ф. Р. Анкерсмит. – М. : Идея-Пресс, 2003.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология : взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит. – М. : Прогресс-Традиция, 2003.
3. Стрелков В. И. К онтологии исторического текста : некоторые аспекты философии истории Ф. Р. Анкерсмита / В. И. Стрелков // Философия и современные проблемы гуманитарного знания. – М., 2000. – Вып. 2.

Воронежский государственный университет

Чурсанова И. А., преподаватель кафедры истории философии

E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru

Tel.: 8-952-541-77-07

Voronezh State University

Chursanova I. A., Lecturer of the History of Philosophy Department

E-mail: imbi-chursanova@yandex.ru

Tel.: 8-952-541-77-07